

A man with dark hair and a beard, wearing a white t-shirt and blue jeans, is sitting on a windowsill and playing an acoustic guitar. A woman with long blonde hair in a high ponytail, wearing a purple floral dress, is sitting on the floor in front of him, looking over her shoulder at the camera. The scene is lit with warm, golden light from a large window on the left.

Ольга Риви

ПРИЕЗЖАЙ,
Я ЗЛА! или Любовь
по автозамене

Ольга Риви

**Приезжай, я зла! Или
любовь по автозамене**

«Автор»

2026

Риви О.

Приезжай, я зла! Или любовь по автозамене / О. Риви —
«Автор», 2026

Она хотела объявить ему войну, но Т9 всё решил за неё. От ненависти до страсти — всего одна опечатка, прорванная труба и чувства, которые невозможно отредактировать.

© Риви О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ольга Риви

Приезжай, я зла! Или любовь по автозамене

Глава

Глава 1

В половине второго ночи я стояла на кухне в футболке с надписью «Редактор всегда прав», держала половник и серьёзно думала, насколько некрасиво будет выглядеть убийство соседа кухонной утварью.

Сверху гремели барабаны. Нет, не гремели. Сверху кто-то пытался открыть портал в ад с помощью ударной установки, гитары и мужского крика:

— Давай припев с болью! С болью, Матвей!

Я закрыла глаза.

Боль уже была, моя. В виске, в спине, в дедлайне и в том месте, где у нормальных людей живёт вера в человечество.

Моя квартира на третьем этаже обычно была моей крепостью. Маленькой, старой, с хрипящей батареей и чайником, который плевался кипятком, но всё-таки крепостью. Здесь стоял ноутбук с открытой рукописью, рядом лежала стопка распечатанных глав, красная ручка, чашка остывшего чая и печенье, которое я купила для настроения, а ела уже от отчаяния.

Здесь я правила чужие романы, страсти и чужие глупые решения.

Но у крепости было слабое место. Потолок и сосед сверху.

А над потолком жил Матвей Соколов — Бог шума с четвёртого этажа, человек без кнопки «тише» и моя личная коммунальная кара с пропиской.

Сверху что-то упало.

По звуку это был шкаф или басист. Или мой последний шанс выспаться.

Я медленно вдохнула и посмотрела на половник.

— Нет, Анна, — сказала я себе. — Ты взрослая женщина. Редактор, в конце-то концов. Ты не можешь подняться наверх и придушить соседа кабелем от его же гитары.

Сверху гитара взвизгнула так, будто её уже душили. Я крепче сжала половник.

— Хотя формально это самооборона.

Вместо уголовного дела я вернулась к ноутбуку. На экране светилась любовная сцена, которую автор прислал с комментарием: «Аня, тут очень чувственно, да?»

Я прочитала:

«Он наклонился к ней так близко, что она почувствовала жар его дыхания...»

Я поставила курсор после слова «дыхания» и зависла.

В нормальном состоянии я бы написала: *«Штамп. Нужна конкретика. Почему героиня реагирует именно так? Где внутренняя логика?»*

В моём нынешнем состоянии хотелось написать: *«Пусть он наклонится к Матвею и объяснит ему закон о тишине. Желательно шёпотом, и с лопатой в лесу».*

Я умела видеть провисшие мотивации и вычищать штампы. Умела объяснить автору, почему герой не может за одну страницу перейти от «я женюсь ради сделки» к «ты смысл моей жизни», если между этими событиями были только дождь, лифт и случайное касание пальцев.

Но свою жизнь я отредактировать не могла.

В моей жизни герой сверху не поддавался правке. Его нельзя было вычеркнуть красной ручкой, заменить на менее шумного персонажа или отправить в командировку на три главы.

Хотя я бы отправила его в Сибирь, и без гитары.

Сверху снова заорали:

— Ещё раз с начала!

— Нет, — сказала я потолку. — Только не с начала.

Я схватила половник и подошла к батарее.

Это был не первый наш дипломатический контакт. Батарея давно стала телефонной линией между мной и четвёртым этажом. Я ударила.

Наверху внезапно стало тихо и я замерла.

— Вот, — прошептала я. — Можно же.

В следующую секунду сверху раздался тот же ритм. Только уже на гитаре.

Тук-тук-тук превратилось в бодрый звук. Потом вступили барабаны. Кто-то засмеялся, а через пару секунд мужской голос пропел:

— Соседка снизу зла-а-а!

Я медленно опустила половник. Он сделал из моей ненависти аранжировку. Сообразительный гад!

Я взяла телефон и набрала Марию Степановну, председательницу нашего ТСЖ. На часах было 1:43. В другое время мне было бы стыдно звонить пожилой женщине ночью. Но, во-первых, она сама однажды сказала: «Если что, звоните». Во-вторых, «если что» прямо сейчас репетировало сверху и, кажется, выходило на бис.

Мария Степановна ответила после пятого гудка.

— Анна? — голос у неё был сонный и недовольный. — Опять Соколов?

— Не опять, а снова, — сказала я.

Она вздохнула так, будто я оторвала её от очень интересного сна. Возможно, там не было соседей-музыкантов, и она не хотела возвращаться.

— Анна, ну парень молодой. Музыкант.

— Мария Степановна, молодой музыкант сейчас репетирует так, будто завтра у него концерт на крыше ада.

— Может, договоритесь?

Я посмотрела на потолок. Там как раз кто-то крикнул:

— Больше драйва!

— Я уже пыталась договориться, — сказала я. — Несколько раз. С переменным успехом. Успех, правда, всегда был на его стороне.

— Ну вы же умная девушка.

— Именно поэтому я звоню вам, а не поднимаюсь вверх с половником.

Пауза.

— С половником не надо, — осторожно сказала Мария Степановна.

— Я тоже так думаю. Пока.

— Завтра поговорю с ним.

— Завтра мне сдавать рукопись.

— Ну потерпите немножко.

Я недобро улыбнулась.

— Конечно, я потерплю, я же для этого и родилась.

Я сбросила звонок и положила телефон на стол.

Мария Степановна была уже почти на его стороне.

Как и весь дом, а начиналось всё прилично.

В первый раз я поднялась к Матвею с вежливой просьбой, именно вежливой. Я даже постучала в дверь не как женщина на грани, а как воспитанный человек. Это стоило мне больших усилий.

Дверь открылась почти сразу, и там стоял он.

Босиком, в белой майке и мокрыми после душа волосами. С гитарой в руке.

На секунду мой мозг, перегретый дедлайнами и ненавистью, выдал ошибку.

Потому что Матвей Соколов выглядел как герой романов, которые я редактировала: высокий, широкоплечий, с ямочкой на щеке и глазами цвета крепкого кофе.

Проблема была в том, что в романах такие мужчины обычно страдали, любили и спасали героиню от одиночества.

А этот страдал только от недостатка звукоизоляции. И спасать собирался разве что свою группу.

Он улыбнулся.

— Соседка снизу. Наконец-то, я я думал, вы миф.

Я моргнула и вспомнила, зачем пришла.

— Я не миф. Я человек, которому завтра сдавать рукопись.

— А мне завтра на репетицию.

— Репетируйте в студии.

— Дорого.

— Тогда в лесу.

Он рассмеялся. Ненавижу, когда у врагов хороший смех. Это запрещённый приём.

— Вы всегда такая строгая? — спросил он.

— Только когда меня лишают сна.

— Понял. Значит, днём вы добрая?

— Днём я работаю. Это почти то же самое, только без надежды на здоровый сон.

Он снова улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой. Матвей был опасен, ведь обаятельных людей сложнее ненавидеть. Приходится тратить больше сил, следить за лицом и не замечать ямочку на щеке. Очень неудобно.

С тех пор началась война.

Я жаловалась в ТСЖ. Матвей помог внуку Марии Степановны подготовить песню на школьный конкурс, и председательница стала говорить о нём с мягкостью, обычно предназначенной для котят и скидок на гречку.

Я вызывала участкового. Участковый поднялся наверх строгим, а вышел через сорок минут с выражением человека, который *«вообще-то тоже когда-то играл на гитаре и был молодым»*.

— Нарушение было? — спросила я.

— Ну, — сказал он, почесав затылок, — громковато.

— И?

— Но талантливо.

После этого я поняла, что закон тоже можно купить. Не деньгами, а душевной историй и аккордами.

Потом я попыталась подключить бабушек у подъезда.

Это была моя стратегическая ошибка.

Бабушки пошли к Матвею пристыдить его за шум. Через двадцать минут он вынес им табуретки, чай и спел «Старый клён». Теперь они называли его Матвейчиком и спрашивали меня, почему я такая нервная.

— Мужчина творческий, — сказала мне однажды Валентина Павловна, щёлкая семечки. — Ему простор нужен.

— Мне тишина нужна.

— Тишина в морге, Анечка.

Я тогда чуть не подавилась воздухом.

— Спасибо за позитивный прогноз.

— Да не за что, милая. Ты просто улыбайся чаще, а с Матвейкой подружись. Нечего такого милого парнишку грызть.

После этого я поняла, дом был куплен его милотой и капитулировал.

Я осталась одна против человека-шума.

Сверху наконец стихло ближе к трём. Не потому что Матвей сжалился. Просто, видимо, древний демон шума был вызван и ушёл по своим делам.

Я доползла до кровати с ноутбуком, красной ручкой и остатками достоинства. Утро встретило меня серым светом, больной головой и мыслью, что пятница, это не день недели, а проверка на выживание.

Я сделала чай, открыла рукопись и почти поверила, что мир можно собрать обратно.

Потом с потолка капнула вода.

Одна капля упала прямо на край распечатанной главы.

Я подняла голову.

— Нет.

Вторая капля.

— Даже не думай.

На потолке медленно и уверенно расползлось мокрое пятно.

Я стояла и смотрела на него с холодным спокойствием женщины за секунду до катастрофы. Потом потолок сдался, и вода потекла тонкой струйкой прямо на стол.

— Нет-нет-нет! — простонала я в потолок.

Я рванулась к рукописям, схватила стопку листов, ноутбук, зарядку, документы, чашку с чаем. И начала подставлять тазик под струю. Вода капала с мерзким спокойствием.

Матвей больше не просто мешал мне работать, теперь его хаос проник в мою квартиру, намочил мои правки и почти убил третью главу, где автор наконец-то убрала фразу «он потемнел глазами». Я боролась за эту правку три дня, а теперь её пыталась смыть вода с четвёртого этажа.

— Соколов, — сказала я потолку, — если ты сейчас наверху купаешь свою гитару, я тебя не прощу.

Потолок промолчал всё быстрее и быстрее.

— Молчание не считается раскаянием.

Я схватила телефон и позвонила управляющему. Конечно, он не ответил.

Управляющие домом существуют в природе только до момента реальной аварии. Потом они исчезают, как порядочные герои в плохих романах. Я набрала ещё раз и опять гудки.

— Возьми трубку, — прошипела я. — Я знаю, что ты жив. У мёртвых людей хотя бы есть уважительная причина.

Никто не ответил. Я открыла мессенджер мокрыми пальцами и начала печатать.

«Приезжай, я зла. Соколов меня затопил. Если ты сейчас же не приедешь, я сама поднимусь наверх и совершу преступление».

Экран плохо слушался, палец скользил, а вода капала. Где-то внутри меня редактор Анна пыталась сказать: «Проверь адресата». Но человек Анна уже стоял босиком в луже и мысленно выбирал, что взять с собой в тюрьму: чай или красную ручку.

Я нажала «отправить». И только потом посмотрела на экран. сообщение ушло не управляющему, а Матвею.

Я перестала дышать.

Потом увидела текст, не «Приезжай, я зла», а «Приезжай, я одна».

Я смотрела на эти три слова так, будто они были уликой против меня.

Кап.

Телефон молчал.

Я шепнула:

— Только попробуй.

На экране появился статус «Прочитано» и я закрыла глаза.

Нет. Нет, вселенная. Мы так не договаривались. Я просила сантехника, а не романтическую катастрофу с гитарой.

Телефон пикнул. Матвей: «Уже еду».

Я посмотрела на сообщение, потом на потолок и снова на сообщение.

И очень спокойно сказала:

— Я его убью. Но сначала пусть перекроет воду.

Глава 2

Матвей Соколов стоял возле музыкального магазина, держал под мышкой новый кабель для гитары и пытался объяснить басисту, что фраза «мы почти известные» — это не диагноз, а нормальная стадия развития.

Ну, хотелось в это верить.

— Лёха, мы не провалились, — сказал он в телефон и посмотрел на витрину, где висела гитара по цене подержанной машины без колёс. — Мы просто пока в процессе.

— В процессе чего? Медленного разложения? — мрачно спросил Лёха.

— В процессе роста.

— Матвей, на последнем концерте было одиннадцать человек, — напомнил басист. — Трое пришли погреться, двое были пьяные, одна женщина искала туалет, а ещё один мужик всё выступление спрашивал, когда начнётся караоке.

— Зато никто не ушёл, — хихикнул Матвей.

— Потому что у выхода дрались.

Матвей усмехнулся и перехватил пакет с кабелем поудобнее. На улице было шумно: машины шуршали по мокрому асфальту, кто-то спорил у остановки, маршрутка просигналила так, будто водитель лично ненавидел всех пешеходов. Матвею этот шум нравился, в нём было движение и жизнь. Нормальная городская каша, в которой каждый день кто-то что-то терял, покупал, обещал начать с понедельника и не начинал.

Тишина ему нравилась меньше. В тишине слишком хорошо слышно, как внутри тебя кто-то тихо спрашивает: «А ты точно справишься?»

Матвей такие вопросы не любил. Они портили настроение и плохо ложились на музыку.

— Нам нужна нормальная база для репетиций, — продолжил Лёха. — Дома у тебя больше нельзя. Твоя соседка снизу когда-нибудь реально нас подожжёт.

— Она редактор, — сказал Матвей. — Максимум отредактирует до смерти.

— Ты шути, шути. Она в прошлый раз смотрела на меня так, будто уже выбрала мне место на кладбище и стиль надписи.

— Это у неё рабочее лицо.

— А когда она не работает?

— Она всегда работает.

Лёха тяжело вздохнул.

— И вокал надо переписать. На припеве ты звучишь так, будто тебя душат налогами.

— Это называется надрыв.

— Это называется «у парня проблемы с дыханием».

Матвей уже открыл рот, чтобы ответить что-нибудь умное и обидное, но телефон коротко пикнул.

Там было сообщение от Анны Виноградовой. Он остановился прямо посреди тротуара. Анна писала ему редко. Обычно её сообщения были похожи на документы, которые потом зачитывают в суде.

«Соколов, после одиннадцати нельзя».

«Соколов, это не музыка, это попытка сломать дом изнутри».

«Соколов, если это у вас упал барабанищик, поднимите его тише».

Матвей открыл чат и на экране было три слова:

«Приезжай, я одна».

Он моргнул. Потом перечитал и ещё раз, потому что жизнь научила его, что, если Анна Виноградова пишет что-то без слова *«прекратить»*, нужно проверить зрение. Слова не изменились.

«Приезжай, я одна».

— Лёха, — медленно сказал Матвей, глядя в экран. — Кажется, меня только что позвали на свидание.

В трубке стало тихо.

— Тебя? — осторожно спросил Лёха. — Участковый?

— Вот это мне и предстоит выяснить.

— Это та соседка снизу? Которая хотела написать жалобу на твой усилитель?

— Она хотела написать жалобу на меня целиком. Усилитель шёл как пособник.

Лёха присвистнул.

— Брат, если женщина пишет «я одна», это либо шанс, либо ловушка.

— Спасибо, мудрец, без тебя я бы пошёл неподготовленным.

— Я серьёзно. Если пропадёшь, я заберу твой комбик.

— Очень трогательно.

— Я же друг. Друг должен думать о наследстве заранее.

Матвей сбросил звонок и снова посмотрел на сообщение.

Анна Виноградова, самая сложная девушка в нашем доме.

Не потому что могла вызвать участкового. Хотя могла, и делала это с такой интонацией, будто приглашала артиллерию. Не потому что умела смотреть так, словно уже нашла в тебе пять ошибок, две сюжетные дыры и слабую мотивацию, хотя умела. А потому что она почти не вела на его улыбку. Почти.

Иногда он всё-таки замечал, как у неё дёргался уголок губ, очень быстро. Нормальный человек не стал бы считать это победой.

Матвей был не совсем нормальный, так что он считал.

Аня часто одаривала его взглядом строгой училки, ну или конвоира, который заранее знал, что Матвей сейчас вытворит какую-то дичь. И эти взгляды его почему-то цепляли.

Аня была живая, злая, умная, уставшая и опасная. В ней всё время будто горела маленькая табличка: *«Не подходи. Укушу»*.

Разумеется, ему хотелось подойти.

Матвей ещё раз прочитал сообщение.

Слишком странно и не похоже на Анну.

Значит, либо ошибка, либо она решила заманить его и убить в домашней обстановке.

Он посмотрел на музыкальный магазин, потом на пекарню рядом, и перевёл свой взгляд на цветочный ларёк через дорогу.

Если идти на казнь, то хотя бы не с пустыми руками.

Через пятнадцать минут Матвей уже ехал домой с бутылкой шампанского, букетом и коробкой пирожных. Продавщица назвала цветы «нежными». Он не стал спорить, потому что в

цветах не разбирался. Для него растения делились на два вида: «выглядит дорого» и «выглядит так, будто уже простилось с жизнью». Эти пока держались.

Шампанское он взял не самое дешёвое, но и без попытки разорить себя ради внезапной романтики. Пирожные выбрал шоколадные. Если Анна всё-таки решила его прикончить, то перед смертью хотелось съесть что-нибудь нормальное.

У подъезда, как всегда, были бабушки.

Они сидели там не просто так и охраняли моральный облик дома, собирали новости и, кажется, видели даже то, что происходило в квартирах за закрытыми дверями.

— Матвейчик, — сразу оживилась Валентина Павловна, заметив букет. — А это ты к кому такой красивый?

— К судьбе, — ответил он, стараясь пройти быстро.

— Судьба у нас на третьем этаже живёт? — прищурилась она.

— Пока да, а там как пойдёт.

Бабушки переглянулись. В этом взгляде уже была завязка, кульминация и два варианта финала.

Матвей понял, через десять минут дом будет знать, что он пришёл к Анне с цветами. Через пятнадцать, что они тайно встречаются, а через двадцать — что Анна беременна, он безработный, а квартиру переписали на кота, которого у них нет. Народное творчество, оно такое.

Он поднялся на третий этаж и остановился у двери Анны.

За дверью было тихо, потом что-то грохнуло.

— Соколов! — раздался голос Анны. — Если это ты, лучше беги!

Матвей посмотрел на букет.

— Ну что, — сказал он цветам, — начало многообещающее.

И нажал на звонок.

Дверь распахнулась так резко, будто Анна открывала не квартиру, а камеру смертников.

Она стояла босиком. Волосы растрепались, футболка намочла, на ногах были короткие домашние шорты. В одной руке она держала тряпку, в другой — разводной ключ. Вид у неё был такой, что нормальный мужчина сразу бы отступил, извинился и ушёл писать завещание.

Матвей на секунду забыл все шутки, потому что злая Анна была красивой.

А мокрая и злая Анна была красивой так, что хотелось подойти ближе, но сначала уточнить, есть ли поблизости травмпункт.

— Ты, — сказала она.

— Я, — подтвердил Матвей и поднял букет. — По приглашению.

Анна посмотрела на цветы, потом на шампанское и на коробку пирожных. Её лицо менялось быстро: злость, ужас, непонимание, снова злость. Где-то между этим промелькнуло желание ударить его ключом.

— Ты сейчас серьёзно? — спросила она тихо. И это «тихо» звучало хуже крика.

— Максимально серьёзно, — осторожно ответил он. — Хотя уже понимаю, что мог неверно оценить тон сообщения.

— Ты меня затопил, Соколов.

Он моргнул.

— Это новый формат приглашения?

— Это новый формат уголовного дела.

Глава 3

Матвей наконец заглянул за её плечо, в квартире явно было плохо.

На полу лежали полотенца, а под потолком расплзалось мокрое пятно. В кастрюлю падала вода, на столе лежали распухшие по краям, от влаги, распечатки.

Улыбка сползла с его лица сама.

— Чёрт.

— О, — сказала Анна. — Великий музыкант заметил причинно-следственную связь. Запишем этот день в историю дома.

Он поставил цветы, шампанское и пирожные на тумбочку.

— Где течёт?

— С потолка, Соколов. Если нужна подробная схема, могу нарисовать стрелочку.

— Я имею в виду, сверху где. Кухня? Ванная? Раковина?

— А ты как думаешь? Вода решила устроить гастроли по моей квартире?

Матвей шагнул внутрь, но Анна сразу выставила перед ним разводной ключ.

— Стоп, без разрешения не входить.

— Во-первых, приглашение было.

— Это была ошибка.

— Звучала она очень уверенно.

— Я писала управляющему: «Приезжай, я зла».

Он не удержался и посмотрел на её телефон.

— А пришло «я одна»?

— Да.

— У тебя автозамена с личной жизнью лучше, чем у нас обоих.

— Не волнуйся, я обновлю свой Т9 и больше он так ошибаться не будет.

В этот момент с потолка упала капля, и мы оба посмотрели на кастрюлю. Матвей выдохнул и уже без улыбки сказал:

— Ладно, обновить потом. Сейчас я перекрою воду.

— Ты хоть знаешь, где она перекрывается?

— Аня, я музыкант, но не настолько бесполезный.

— Спорное заявление.

— Приму как мотивацию.

Он развернулся и побежал наверх.

В своей квартире Матвей быстро понял, что жизнь решила добавить в вечер немного спецэффектов. Под раковиной на кухне шипела труба, а на полу была лужа. Рядом валялась тряпка, которую он, конечно, собирался убрать ещё утром, или вчера, или в прошлой жизни.

— Ну конечно, — сказал он трубе. — Даже сантехника против моего счастья.

Он перекрыл воду, вытер лужу настолько, насколько это было возможно, схватил инструменты и через несколько минут снова стоял у Анны. Она открыла почти сразу. За это короткое время её лицо стало ещё мрачнее.

— Перекрыл? — спросила она.

— Да.

— Точно?

— Точно.

— Если ты врёшь, я узнаю.

— Я понял. Ты не женщина, ты следственный комитет в домашней футболке.

— А ты — стихийное бедствие с кабелем для гитары, проходи.

Он прошёл внутрь. Цветы лежали на тумбочке рядом с тряпкой и выглядели так, будто тоже не понимали, зачем пришли. Пирожные молча ждали своего часа, как свидетели преступления.

- Ванная где? — спросил Матвей.
- Там. Только ничего не трогай без спроса.
- Я буду трогать только последствия своей глупости.
- То есть всю квартиру?
- Больно кусаешь, но справедливо.

В ванной оказалось тесно, даже очень. Матвей поставил стремянку и полез смотреть люк, а Анна встала рядом, скрестив руки на груди.

- Если ты упадёшь, я вызову скорую, — сказала она. — Но сначала сфотографирую.
- Для доказательств?
- Для обложки твоего альбома. Назовём «Допрыгался».

Матвей фыркнул и потянулся к потолку. Футболка задралась, открыв часть его тела, и я замолчала, совсем ненадолго. Но Матвей заметил.

— Виноградова, — сказал он, не опуская рук. — Ты сейчас смотришь так, будто хочешь внести правки.

- Я резко подняла глаза.
- Если бы я вносила в тебя правки, я бы начала с самооценки.
- Уменьшила бы?
- Сократила бы без сожаления, процентов на сорок.
- А остальные шестьдесят оставила бы?
- Для конфликта. Без него сюжет скучный.
- Значит, во мне есть польза.
- В тебе есть протечка и проблемы с границами.
- Уже две важные характеристики героя.

Я отвернулась первой и сделала вид, что изучает полотенце на стиральной машине. Матвей тоже сделал вид, что ничего не заметил. Иногда не давить, был самый разумный выбор. И он, вопреки моему мнению, иногда бывал разумным.

Он проверил потолок, следы воды, потом слез со стремянки.

- Труба у меня под раковиной сорвалась. Вода пошла вниз, пока меня не было.
- Великолепно. Даже трубы от тебя бегут.
- Я виноват, — сказал он.

Я замерла.

— Что?

— Я виноват, — повторил Матвей. — Это моя квартира, моя труба и мой бардак, я всё оплачу. Ремонт, распечатки, если что-то испортилось. И мастера вызову.

Я смотрела на него так, будто он только что заговорил на древнем языке.

— Повтори ещё раз.

— Я виноват.

— Нет, подожди, мне надо насладиться, это исторический момент. Сейчас где-то Мария Степановна почувствовала слабость в системе.

Матвей устало усмехнулся.

— Анна, я серьёзно.

Я на момент расслабилась. Злость осталась, но я растерялась от его слов. Кажется, я ждала от него привычной шутки, отговорки, улыбки, которая всех обезоруживает. А получила нормальное признание вины. Для вечера это было почти чудом.

— И тишина, — сказала она после паузы.

— Что?

— Тишина. Неделю тишины, никаких репетиций!

Матвей выпрямился.

— Неделю?

— Да. Семь дней. Это такая маленькая жизнь без твоего барабана.

— Я музыкант.

— А я редактор. Мы оба страдаем за деньги, но я хотя бы не заставляю страдать весь дом.

— Может, три дня? — осторожно предложил он.

— Десять.

— Ты только что сказала неделю.

— Торговаться со мной во время потопа была плохая идея.

Матвей поднял руки, делая вид, что сдаётся.

— Ладно. Неделя. Репетиции в наушниках. Если надо, порепетируем в другом месте, но ты не вызываешь ТСЖ, участкового и бабушек.

Аня хмыкнула.

— Бабушки и так на твоей стороне. Это не отряд, это фан-клуб с семечками.

— Вот именно. Они страшнее участкового.

— Значит сделка?

Матвей протянул руку, я посмотрела на неё с подозрением, словно рука могла подписать с ней кабальный договор. Потом всё-таки пожала.

Ладонь у неё была холодная и мокрая, а пальцы крепкие. Матвей задержал рукопожатие чуть дольше, чем надо.

Я это заметила сразу.

— Соколов, не наглей, — произнесла я прищуром обиженной кошки.

— Всё, отпускаю, — сказал он и правда отпустил. — Просто проверял, не передумаешь ли ты меня убивать.

— Не расслабляйся. Я могу отложить, а не отменить.

Через полчаса мы сидели на моей кухне. Вода уже не лилась, самые мокрые полотенца лежали в ванной, тазы стояли под подозрительными местами. Матвей открыл шампанское, потому что букет, пирожные и полный разгром квартиры требовали хоть какого-то логического завершения.

Пробка хлопнула, я вздрогнула и тут же нахмурилась.

— Можно было тише?

— Это шампанское, оно не умеет переживать события молча.

— Как и ты.

— Ну да, в этом мы с ним похожи, — тихо рассмеялся Матвей.

Чёрт, я только сейчас заметила ямочки на его улыбке. Теперь понятно, на что повелись бабки. На срочно отводить взгляд, чтобы он не зазнался.

Матвей налил в два бокала и поставил один мне. Между нами стояла коробка пирожных, а рядом таз. Иногда в него падала вода.

Очень романтично. если не знать, сколько стоит ремонт потолка.

Матвей поднял бокал.

— За ошибку Т9.

Я подняла свой бокал с видом человека, который пьёт на поминках спокойной жизни.

— За то, чтобы она больше никогда не вмешивалась в мою личную переписку.

— Не зарекайся, Виноградова.

— Не называй меня так этим тоном.

— Каким?

— Будто тебе это нравится.

Матвей посмотрел на неё и улыбнулся уже тише, без обычного напора.

— А если нравится?

Я сделала глоток шампанского и отвела взгляд.

— Тогда это твои проблемы.

— Обычно так и начинается всё интересное.

— Нет, обычно так начинаются плохие романы, которые я потом редактирую ночью и ненавижу всех живых.

— А хорошие?

Я пожала плечом и взяла пирожное.

— В хороших герои сначала учатся нормально разговаривать.

— Мы вроде разговариваем.

— Мы обмениваемся угрозами и едой, это другое.

— Но прогресс есть. Раньше ты угрожала мне без еды.

Я фыркнула, и это было почти похоже на смех, но Матвей решил не показывать, что заметил, иначе я бы закрылась обратно, умно с его стороны.

Я откусила пирожное, потом посмотрела на него уже спокойнее.

— Ты правда оплатишь ремонт?

— Правда.

— И распечатки?

— Да. Даже если там были любовные сцены с «потемневшими глазами».

Я поморщилась.

— Не произноси это у меня на кухне. Тут и так сегодня случилось достаточно грязно.

— Хорошо. А что там было?

— Современный роман. Коммерческий автор решила, что герой должен быть загадочным, но получился мужчина, который три главы молчит и смотрит в окно.

— Может, он просто ждёт сантехника?

Я посмотрела на него, и вдруг тихо рассмеялась, Матвей замер на секунду. Вот это было опасно.

С криками он справлялся, с сарказмом тем более, а вот когда я смеялась, у него явно внутри что-то делало шаг не туда.

Я сразу заметила его взгляд и перестала улыбаться.

— Что?

— Ничего.

— Соколов, у тебя лицо человека, который сейчас скажет глупость.

— Я хотел сказать, что ты красиво смеёшься, но теперь понимаю, что это будет использовано против меня.

Я поставила бокал на стол.

— Не начинай.

— Я ещё даже не начал.

— Вот и не надо.

Тишина между ними стала другой. Не той, которой я добивалась через жалобы, стук по батарее и угрозы половником. Мы смотрели друг на друга уже по-другому и абсурд, в который попались из-за простой ошибки в сообщении.

Матвей посмотрел на мокрую прядь у моего виска, и на усталые глаза, на футболку с надписью «Редактор всегда прав». Сейчас, в его глазах, я выглядела как человек, которого жизнь сегодня вычитала красной ручкой и оставила комментарий: «Переделать полностью».

Он перестал шутить, из будто бы исчезла атмосфера примирения.

— Ладно, — сказал он мягче. — Сегодня не буду.

Я подняла на него глаза. Слово «сегодня» повисло между ними, заставляя испытывать неловкость. И тут мой ноутбук пикнул, я вздрогнула от неожиданности.

— Только не это.

— Что там? Ещё одна труба решила признаться в чувствах?

— Хуже, — сказала она и открыла сообщение. — Скорей всего это автор.

Я прочитала текст и медленно закрыла глаза.

— Нет.

— Что «нет»?

— Нет, нет и ещё раз нет. Я отказываюсь жить в этом жанре.

Матвей наклонился ближе.

— Покажешь?

— Чтобы ты потом использовал это против меня?

— Конечно, но аккуратно.

Я развернула ноутбук к нему и на экране было сообщение:

«Аня, срочно! Я решила переписать героя. Теперь он музыкант, сосед героини сверху. Нужна страсть, конфликт и сцена примирения. Сможешь сегодня посмотреть?»

Матвей прочитал и посмотрел на меня. А я смотрела в потолок с таким видом, будто ждала, что оттуда сейчас начнут капать не остатки воды, а чужие сюжетные решения.

Матвей медленно улыбнулся.

— Ну что, — сказал он, беря пирожное, — кажется, я могу быть консультантом.

Я повернулась к нему очень медленно.

— Только попробуй.

Он откусил пирожное и, не переставая улыбаться, сказал:

— Поздно, Виноградова. Сюжет уже протёк через потолок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.